

Александр Серафимович

Бабыя деревня

**Серафимович Александр
Бабыя деревня**

Александр Серафимович БАБЬЯ ДЕРЕВНЯ

Это было в восемнадцатом году, По кочкам и корневищам долго ехал Сергей. Куда ни глянешь, пни вырубок или глухие, молчаливые сосны.

Дикое место. От железной дороги сто пятьдесят верст.

Вот наконец и деревня, - в снегах на горе..

Внизу речка застыла, лишь черные полыньи дымятся. Кругом сизые от мороза леса, - раздолье!

У большой избы ямщик постучал кнутовищем.

Вышла баба в перетянутом ремнем тулупе, в треухе и в штанах.

- Агитатора из городу вам привез, - сказал ямщик, показывая кнутом на Сергея.

- На кой он нам!

Повернулась, отворила ворота и сказада:

- Въезжайте во двор. Лошадь в сарай заведи, теплее будет, а сами идите в избу, погрейтесь.

Сергей с ямщиком сидят распаренные в жарко натопленной избе и тянут, обжигаясь,

чай с блюдечек.

А уж полна изба набилась баб - и молодые, и старухи, и девки.

"Да все ядреные какие, девки-то, кровь с щлоком. Ишь глазами блестят... - подумал Серге|, схлебывая с блюдца и прикушивая медком. - И все в штанах да в треухах, по-му-жичьи".

- А чего же у вас мужиков-то не видать?

- Все мужики пропали, - сказала старуха, глядя в угол.

- Жанихов теперича ни одного, - печально засмеялись девки.

- Один мужик па разводку остался, да и тот безъязычный.

- Как так?

- Ды так. Пришел енерал Колчак и давай сгнуцаться над народом - ды тянут, ды разоряют, ды бабам нет житья, сколько девок перепортили. Мужики терпели, терпели да все убсгли к балшавикам. А из них роту энти сделали. Ну, наши и стали бигь Колчака. Выгнали из деревни и погнали. Страсть наклали оно. А потом, слышим-послышим, все наши полегли под одним городом. Брали город у

Колчака, все полегли до единого.

В избе стало тихо. Курлыкал самовар, да за печкой сверчок т ренькал.

- Чего же вы все мужиками оделись?

- Нужда загнала. Лес ли рубить, алп какую чижолую работу, где же в юбке - не справишь-ся.

- И девки в портках, - сказал ямщик, показывая зубы изза блюдца с дымящимся чаем.

Девки весело засмеялись, блестя глазами:

- А чем же мы хуже вас?

- Ну, ладно, - сказал Сергей, отодвигая чашку, - делу - время, потехе час. Кто у вас председательна совета?

- Да она же, - указали на краснощекую коренастую хозяйку избы.

- Так сбей сход, а я поговорю с вами. Я из города прислан от партийного комитета.

- Да мы почитай все тут. А каких нету, в лесу делянки рубят либо сено с лугов возят. А об чем говорить-то будешь?

- Обо всем: об совехской власти, о разрухе, о коммуне...

Тут все бабы азартно закричали:

- Не надо нам коммунн! Будь ты проклят с

ней, рогатый черт!

- Надень себе ее на рога!..

- Штоб ты издох с ней, с твоей коммунией!..

- Да вы что, аи белены объелись? - спрашивал изумленно Сергей.

Но бабы его не слушали, а с красными, пошлыми злыми лицами - в избе была невообразимая давка - кричали, махали перед его лицом кулаками.

- Носастый сатана!..

- Запрягай да подобру-поздорову по морозцу...

- Ишь ты, подобрался: мужиков нету, как он втихомолочку с коммунией подъехал.

- Да постоите! - кричал Сергей, притиснутый в самый угол. - Чего ж вы взбеленились? Что ж, вам сладко так-то живется?

Бабы сразу опали:

- Куды слаже. У кого брата, у кого мужа, у кого сыновей...

Тяжелые вздохи пронеслись по избе, набитой бабами. Блеснули слезы.

- Ну, вот. Небось и с хозяйством не ладно. Голодно, холодно, особенно многосемейным

да бедноте.

- Ды как, - сказала хозяйка, утирая глаза. - Чшкало.

С весны пахать надо, - нечем взяться. У кого лошаденка, - плуга нету. У кого плужок, - худобы нету. Ложись да помирай. Сбились мы, все бабы; галдели, галдели, порешили на том - сообча пахать. Опять же каждую полоску пахать в отдельности - толков не выйдет, до осени пропашем. Порешили бесперечь всю землю запахать. Согнали лошадей со всей деревни, сволокли все плуги, бороны, вышли всей деревней и давай пахать, а следом боронить. Одни лошади выбились - оставили на отдых, других запрягли. Эти выбьются - опять их на отдых, - энтих запрягем. Бабы, девки выбьются из сил, - другие берутся, а энти отдыхают. Так, по переменкам, с раннейто зорюшки до поздней самой темноты. Не успели оглянуться - аи земля вся вспаханная.

- Ну? - сказал Сергей, с удивлением глядя на баб.

- Не нукай, не лошадь тебе, - засмеялись девки.

- Ну, таким же манером отсеялись. А хлеб

поспел, тут и вовсе гужом надо работать, - нету полосы твоей али моей, вся обчая. Опять же косилка одна на всю деревню. Ну, и стали косить, переменяясь. Ночи светлые выпали, месяц, - так день и ночь косили, все сняли, вымолотили сообча и ссыпали в общественный анбар: смотреть за хлебом и караулить легче, как он весь вместе. С тех пор свет ясный увидали.

- Ну, а как же вы хлеб делите? По работникам али как? - спросил Сергей.

- Спервоначалу, которые без детей, заспорили, чтоб но работникам делить. Ну, мы собрались и порешили: по едокам делить. Потому, у которой бабы много детей, чем же она виновата?

- Ну?

- Опять поехал, - подхватили девки со смехом.

- Обдумали мы, - продолжала председателыла, - хлеб не раздавать по дворам, а печь сообча на всю деревню. По очереди шесть баб на всю деревню напекут в общественной печке, и раздадим по едокам, и горюшка нам мало.

- Ну, что же у вас еще есть? - спросил Сергей, с удивлением разглядывая баб.

- Да чего же, больше ничего нету. Всё недостатки да недохватки. Посуды нету, - почитай не в чем готовить, Так мы добыли у смолокура котел, смолу он варил. А мы его вмазали в печь ды стали на всю деревню готовить. Сарай у одной у бабочки был. Так мы его обмазали, окна, двери вставили, печь сложили, столы длинные поставили и ходим всей деревней и с детьми обедать, вечерять. Так-то ли хорошо: по очереди готовим, посуду моем, а энти все свободные бабы и девки, каждая свое дело делает.

- Вот так ловко! - сказал Сергей. - Вот не ждал, не гадал такое увидеть в деревне. Ну, а еще чего у вас есть?

- Да больше ничего.

- Ну, а с детьми как? Поди трудно?

- Как не трудно? Не то работу работай, не то за детьми гляди, - хочь раздерись. Так мы маленьких со всей деревни сволокем в одну избу с утра. Изба просторная, светлая: по очереди и смотрим за детишками. Им тепло и хорошо, в чистоте.

А вечером бабы разбирают по домам. Прежде каждая баба за своим смотрела, а мужики работали, а теперича самим работать приходится, вот и удумали. Пеленки-то штоб не мыть каждой в отдельности, так мы в одну избу со всей деревни наберем да по очереди стираем.

- Аи да ловко! Аи да бабы-девки! Аи да герои! - сказал Сергей и захолопал в ладоши. - Да кто же это вас все надоумил?

- Да хто? Нужда, - сказала хозяйка, пригорюнившись. - Нужда горькая.

- Ды Васька... - весело заговорили девки.

- Он у нас один жаних на всю деревню. Оттого и не женится, - не разодраться на всех девок.

Синие зимние сумерки загустились в избе, а замороженные окна выступили белыми четырехугольниками. Бабы и девки так же тесно стояли и сидели, переговаривались и смеялись, и в синей темноте не видать было их лиц.

Да вдруг и стены избы, и потолок, остывающий самовар, и лица разом ярко и голубовато вспыхнули.

- Что такое? Что это?! - вскочил Сергей, а сам уж видит:

загорелась под потолком лампочка, и окна сразу стали черные.

Девки засмеялись.

- Ага, спужался!

- У нас электричество проведено по деревне, - сказала спокойно хозяйка.

- Да откуда это у вас? Кто такой Васька? - спрашивал Сергей, глядя на них во все глаза.

- Да наш же парень. Годов семь на фабрику ушел, и ни слуху ни духу об нём не было. Потом слышим-послышим, - на войну взяли. И там ему пулей зубы выбило и язык под самый корешок срезало. Ну, дохтора залечили. Дошлий парень, а говорить не может: языка нету... Вот он нас все и надоумливал.

Говорить не может, а показывает. Съездил в город, приволок какую-то машинку, приправил к водяной мельнице, протянул какие-то черные ниточки, вот и пошло электричество по всей деревне. Теперь опять в город уехал.

- Урра-а-а-а! - закричал радостно Сергей и подкинул шапку. - Да это же у вас и есть ком-

муния. Самая настоящая коммуния!..

- Тьфу! Тьфу! Штоб тебе кобель рыжий при-
снился, - зазвенели девчата. Али взбеленил-
ся? Да ни в Жисть в коммунии не будем.

- Да это же самая она настоящая коммуна и
есть, когда люди вместе живут, работают, все
на всех, а не на помещика, и делят наработан-
ное, чтобы каждый был сыт, все в чистоте, в
уюте, в довольстве.

Изба вдруг наполнилась раздраженным го-
вором, криком, движением.

- Ах ты, конопатый черт. Цыплок облуп-
денный! Ты это што ж: опять за коммунию
взялся. Навязать хочешь нам. Ды ни в жисть!
Штоб она сдохла, твоя коммуния!

- Пстой, бабы, девки! - кричал радостным
голосом Сергей. - Да это же и есть, сами же
устроили, ни у кого не спросясь... Это и доро-
го, сами у себя устроили... жизнь вам подска-
зала... Это и есть самая настоящая комму...

Да не успел договорить - чей-то увесистый
кулак пришелся в ухо, и у него зазвенело.
Кругом красные, возбужденные, злобные ба-
бьи лица и сверкающие глаза. Сергей раздви-
нул их локтями.

- Ну, это вам даром не пройдет...

И опять не успел договорить.

- Штоб ты лопнул, окаянный! Штоб те выворотило наизнанку! Бей их, девки! Волоки на двор!

Он не успевал обороняться и отступал к стене - не драться же с ними.

Кто-то сзади насунул ему шапку на самые уши, накинул и тулуп, и он вылетел из избы в распахнутую дверь головой в сугроб. За ним в тот же сугроб вылетел ямщик.

А уж двор полон баб и девок, и их возбужденные голоса мечутся в морозном ночном воздухе.

Девки мигом выволокли из-под навеса сани, ввели в оглоблю недовольную лошадь, перекинули дугу, засупонили, и не успел Сергей отряхнуться хорошенько от набившегося везде снега, как его ловко свалили в сани. Туда же, как мешок, свалился ямщик. Столпившиеся кругом бабы, отчаянно крича и улюлюкая, взяли в кнутья лошадь.

Изумленный мерин захрапел, поддал задом, рванулся и вынес сани на улицу. Девки бежали и все хлестали. Только за околицей

ямщик, намотавший вожжи на руки, сдержал рассказавшегося мерина.

Ясная морозная луна бежала над лесом в одну сторону, а верхушки леса в другую. Сергей сердито привалился к задку саней, глубоко засунув руки в рукава.

"Чертово бабье! Сатана в них вселился. Как белены обожрались. Что с ними делать? Не бить же их..."

Он потрогал вспухшее ухо.

"Вот и веди работу. Да к ним сам черт на козе не подъедет..."

Долго ехали молча. Повизгивали на укатанном снегу полозья, прыгали заиндевшие шлея и дуга на споро бежавшем мерине.

- Но, но, милай!.. - подгонял его ямщик, пошевеливая тоже побелевшими вожжами.

Да вдруг повалился спиной назад, через облучок в сани, высоко задрал кверху огромные валенки и стал хохотать, как леший, на весь лес:

- Хо-хо-хо... Слышь, энта черномазенькая-то кэ-эк звизданет меня по шее, аж в голове загудело. Ну, думаю - шабаш.

Своротило шею, - не разогну никак да и на!

Хо-хо-хо... Ха-ха-ха...

Он хохотал как сумасшедший, с таким подмывающим увлечением, как будто ему не по шее дали, а поцеловали.

- Хо-хо-хо...

- Ну, чего ты с дурна ума? - сердито сказал Сергей и вдруг сам ухмыльнулся в обмерзшие усы.

"А ведь что, - вдруг, неожиданно для самого себя подумал он, - вот маленько работу в своем районе подберу, приеду да женюсь. А что ж! Здоровый, крепкий народ. Умеют дело делать, а не языком. А как втянется дорогая работница будет..."

А ямщик нет-нет да опять во все горло:

- Хо-хо-хо... кэ-эк звизданет! И зараз, как бибрюк, шеи пе поверну.

Да вдруг круто повернулся к Сергею, снял шапку и помотал открытой головой на морозе:

- Слышь, Алексеич, што я тебе скажу: вот зараз отвезу тебе, поеду к своим, скажу родителям: пуцай благословлят - женюсь, - ей-богу, приеду и женюсь.

Сергей прятал усмешку в усы. Ямщик кру-

тил головой и весело хмыкал. Ухмылялся и мерин, заложив одно ухо назад и потряхивая седелкой. И месяц с веселой рожей все бежал вдоль дороги, мелькая за верхушками сосен.

Кругом стоял мороз, тишина и залитая белизной ночь.

1923

СЕРАФИМОВИЧ (Попов) Александр Серафимович (1863 - 1949), Бабья деревня. Впервые опубликован в сборнике произведений А. Серафимовича под общим заглавием "Бабья деревня и другие рассказы". М..

Красная новь, 1923. Печатается по изданию: Серафимович А. С. Избранные произведения. М.. Художественная литература, 1976.